

Помелов Владимир Борисович

"АПОСТОЛ ПРОСВЕЩЕНИЯ СРЕДНЕВОЛЖСКИХ НАРОДОВ". К 195-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. И. ИЛЬМИНСКОГО

В статье раскрываются факты биографии выдающегося российского педагога второй половины XIX в. Николая Ивановича Ильминского, дается характеристика его просветительской деятельности. Главное внимание уделяется определению его вклада в развитие просвещения средневолжских народов. Характеризуется отношение к педагогическому наследию Н. И. Ильминского в разные исторические периоды.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/4/2017/3/18.html

Источник

Педагогика. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(07) С. 70-76. ISSN 2500-0039.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/4.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/4/2017/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: pednauki@gramota.net

5. **Коробейников М. П.** Формирование умений и навыков стрельбы из автомата на ходу: дисс. ... к. пед. н. Солнечногорск, 1956. 184 с.
6. **Крейцер Б. А.** Спортивная стрельба на стенде. М.: Физкультура и спорт, 1940. 154 с.
7. **Кудрейко Ф. Ф.** Психология подготовительных упражнений при обучении стрельбе из винтовок: дисс. ... к. пед. н. М., 1947. 192 с.
8. **Логинов П. П.** Психология процесса формирования навыка стрельбы из пистолета и револьвера: дисс. ... к. пед. н. М., 1952. 189 с.
9. **Наставление по стрелковому делу. Основы стрельбы из стрелкового оружия** / Министерство обороны СССР. М.: Военное издательство, 1956. 114 с.

ANALYSIS OF APPLIED RESEARCHES ON THE PROBLEMS OF TEACHING SHOOTING IN THE MIDDLE OF THE XX CENTURY

Padurin Denis Fedorovich

*Surgut State University
den.padurin@yandex.ru*

The article summarizes and analyzes the results of scientific researches devoted to the problems of improving the process of teaching shooting, describes researchers' contribution to the methodology of teaching shooting to military staff. On the basis of studying archival and special sources the author identifies the adopted pedagogical principles and their methodological realization, discovers methodical orientation of teaching and educational events promoting the formation of military men's shooting skills.

Key words and phrases: teaching shooting; shooting skills; principles to teach shooting; methodology to form shooting skills.

УДК 3.37.378

Педагогические науки

В статье раскрываются факты биографии выдающегося российского педагога второй половины XIX в. Николая Ивановича Ильминского, дается характеристика его просветительской деятельности. Главное внимание уделяется определению его вклада в развитие просвещения средневожских народов. Характеризуется отношение к педагогическому наследию Н. И. Ильминского в разные исторические периоды.

Ключевые слова и фразы: император Александр II; Н. И. Ильминский; К. Д. Ушинский; К. П. Победоносцев; Василий Тимофеев; С. С. Уваров; А. В. Смирнов; А. И. Баратынский; П. П. Глезденёв; А. С. Будилович; И. Н. Ульянов; Александр и Владимир Ульяновы; И. Я. Яковлев; крещено-татарская школа; центральная удмуртская школа в поселке Старый Карлыган.

Помелов Владимир Борисович, д. пед. н., профессор

*Вятский государственный университет, г. Киров
vladimirpomelov@mail.ru*

«АПОСТОЛ ПРОСВЕЩЕНИЯ СРЕДНЕВОЖСКИХ НАРОДОВ». К 195-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. И. ИЛЬМИНСКОГО

Н. И. Ильминский

Во второй половине XIX в. реформаторские усилия российского императора Александра II (освобождение крестьянства от крепостной зависимости, проведение земской реформы) вызвали к жизни социальные

силы, обеспечившие бурное развитие капитализма, что, в свою очередь, выявило настоятельную необходимость получения хотя бы начального образования у значительно большей, нежели прежде, части населения страны, в том числе населения, как еще совсем недавно говорили, «национальных окраин»¹. Начиная со второй половины 1860-х гг. идея необходимости просвещения нерусских народов получила значительное развитие в российской педагогической мысли, что во многом стало следствием плодотворной работы выдающихся русских педагогов (К. Д. Ушинский, В. И. Водовозов, Д. Д. Семенов и др.).

Эта прогрессивная идея нашла свое воплощение в теоретической и практической деятельности передовых представителей национального просветительства, таких как Ибрай Алтынсарин, Газарос Агаян, Назар Тер-Гевондян, Яков Семенович Гогешвили, Макар Евсевьевич Евсевьев, Кузьма Андреевич Андреев, Важа Пшавела, Рашид Эфендиев и др. Указанные педагоги стремились эффективно использовать лучшие достижения русской педагогической мысли, одновременно учитывая национальную специфику языка и менталитета своих народов.

Самим временем был востребован просветитель, воплощавший в себе в равной степени качества теоретика и практика, администратора и политика; человек, способный вести разговор и добиваться нужного решения как с высокопоставленным чиновником, так и с простым крестьянином. Такой выдающейся разносторонней личностью был Николай Иванович Ильминский. Предложенная им система просвещения инородцев объединила разрозненные усилия вышеуказанных и многих других национальных педагогов, что позволило перейти к достаточно широкому, насколько это было возможно в тогдашних условиях, внедрению школьного обучения нерусского населения.

Выдающийся ученый-ориенталист Н. И. Ильминский родился 23 апреля (5 мая) 1822 г. в Пензе, в семье священника. В 1842-1846 гг. он учился на физико-математическом отделении Казанской духовной академии. Проявил большие лингвистические способности и по окончании учебы был оставлен в академии преподавателем арабского и татарского языков. В 1851-1854 гг. изучал ислам и арабский язык, находясь в научной командировке на Ближнем Востоке (Египет, Палестина, Сирия).

Профессор Ильминский был крупнейшим ученым своего времени, членом-корреспондентом Российской Императорской академии наук (с 1870 г.), большим эрудитом, полиглотом (по свидетельствам современников, он знал 28 языков). С 1854 г. преподавал восточные языки на миссионерском отделении Казанской духовной академии, а также естественно-научные предметы, историю философии, древнееврейский язык. Н. И. Ильминский был одним из основателей миссионерского Братства во имя Святителя Гурия, открывшегося в Казани в 1867 г., и возглавил его Переводческую комиссию. Он был ведущим переводчиком книг на татарский, чувашский, марийский и удмуртский языки. В 1870-е гг. перевел на крышанский язык Псалтырь. При переводах на татарский язык Ильминский отказался от использования татарского книжного языка с арабской графикой, как совершенно непонятного деревенским жителям. Книги Священного Писания он «перелагал» на разговорный крышанский диалект, используя при этом русский алфавит. Его помощником и сотрудником в освоении этого диалекта стал православный священник Василий Тимофеевич Тимофеев (1836-1895), крещеный татарин, искренне желавший помочь делу просвещения родного народа.

В первые годы своей научной и преподавательской деятельности Ильминский активно участвовал в обсуждении проблем миссионерства, работал над переводами Священного Писания на татарский язык. Не ограничиваясь кабинетной работой, он стремился к изучению татарского языка «из первых уст». Для этого он даже одно время жил в татарской слободе и посещал занятия в медресе. По поручению архиепископа Казанского Григория он ездил по татарским селам и выносил из таких поездок много нового: расширял свои филологические познания, узнавал ценные этнографические сведения. В этих поездках он постоянно сталкивался с тем бедственным положением, в котором находилось просвещение у народов Казанской губернии. Его общительный характер, знание языков и способность притягивать людей располагали к нему даже обычно недоверчивых к чужакам деревенских жителей. В ходе живого общения с простыми крестьянами у него рождались идеи о том, каким образом можно было наиболее эффективно обеспечить просвещение и христианизацию средневожских народов.

Как раз в период его активной деятельности значительно усилилось миссионерское направление в просвещении, имевшее своими основаниями христианское вероучение и политику самодержавия. Коренные народы Среднего Поволжья, прежде всего чуваша, мари, удмурты и часть татар, уже давно считались православными, но, будучи оставлены без надлежащего пастырского наставления, нередко были чужды даже внешней стороне христианства. Эти народы во многом все еще оставались языческими. Были случаи, когда новокрещеные татары, нередко насильственно крещеные еще в XVIII в., целыми деревнями «отпадали» в ислам. Старокрещеные татары (крышаны), то есть крещеные в предшествующий исторический период, были, конечно, менее склонны к переходу в мусульманство, но не были и христианами в полном смысле слова, продолжая придерживаться традиционных языческих верований².

Просвещение и христианизация – эти два процесса у средневожских народов фактически сливались воедино; таким образом, продвижение христианизации способствовало развитию просвещения. Н. И. Ильминский

¹ Это официально принятое в историографии выражение представляется нам не совсем точным уже потому, что территории компактного расселения нерусских народов находились (и находятся) не только на окраинах страны, но и в центральных регионах России.

² Крышаны носили русские имена и фамилии, а вот обряды и праздники у них смешанные – как русские, так и татарские.

как раз и выстраивал свою систему просвещения, во многом ориентируясь на эту региональную особенность. Он все более убеждался в неэффективности существовавшего в то время способа просвещения, заключавшегося в обучении начинающих учащихся либо на русском языке (в русских школах), либо на арабском языке (в исламских мектебах и медресе). Не способствовало утверждению нерусского населения в православии и явное невнимание общества к школьному образованию их детей. Для удмурта или марица, желавшего получить элементарное образование, выбор был небольшой – между татарской мусульманской школой и русским приходским училищем.

Н. И. Ильминским был разработан оригинальный подход в христианском воспитании и просвещении инородцев с использованием их родных языков. Этот подход включал в себя первоначальное обучение на родном языке с одновременным или несколько более поздним подключением родных языков учащихся. Свое педагогическое кредо он в краткой форме сформулировал в письме к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву: «Наше оружие – инородческий язык, богослужения на нем, священники и учителя из инородцев» [6, с. 562].

При этом первой задачей школы он считал воспитание в духе преданности престолу, церкви и приверженности «родным корням», что полностью соответствовало известной формуле, высказанной министром народного просвещения графом С. С. Уваровым («самодержавие, православие, народность») еще в 1840-х гг.

Деятельность Н. И. Ильминского объективно была направлена на «прочное сближение инородцев с коренным русским населением путем просвещения». Он признавал «природный инородческий язык главнейшим и неизбежным средством просвещения инородцев в духе Христовой веры», отмечал протоиерей А. В. Смирнов в своем докладе на Казанском миссионерском съезде в 1911 г. «Это и понятно, – продолжал А. В. Смирнов, – ибо инородцу-школьнику, совершенно не понимающему русского языка, нельзя преподавать даже элементарнейших христианских истин на чуждом и непонятном ему языке». Но при этом Н. И. Ильминский считал инородческий язык даже не целью, а прежде всего средством просвещения, причем средством временным. «Последнюю и высшую» цель просвещения инородцев он видел все-таки в том, чтобы все инородцы слились с «природным русским населением в единый нераздельный народ, сплоченный единством христианской веры, языка, обычаев, духовной культуры» [Там же, с. 560].

Н. И. Ильминский был искренне убежден в том, что «мелкие народности» «не могут вступить на путь общекультурного развития, пользуясь только духовным достоянием своей народности, не имеющей ни науки, ни литературы. Для этого они должны приобщиться к культуре русского народа, а это возможно только через усвоение русского языка, который только и может проторить путь ко всем сокровищам русской культуры» [Там же]. Тем самым выдающийся просветитель стремился приобщить нерусские народы к русской, а через нее и к общечеловеческой культуре и, с другой стороны, сделать более доступными для русских культурные ценности других народов России.

Подход Н. И. Ильминского базировался на основе живого разговорного народного языка. Родной язык он считал основанием и орудием школьного образования, а главную роль в системе просвещения отводил начальной школе. Преподавание в начальной школе в соответствии с его взглядами велось первые два года исключительно на родном языке; русский язык изучался как учебный предмет. Преподавание на родном языке должно было продолжаться до того времени, когда «малые сии» смогут в достаточной мере овладеть русским языком.

Обучение русскому языку начиналось с разговорных уроков. В 3-4 классах русский становился языком преподавания. Лучшие учителя нерусских народных школ – лица одной национальности с учениками. От русских учителей он требовал знания родного языка учащихся и использования его в учебно-воспитательной работе. Учебники, считал педагог, должны печататься на родном для учащихся языке с использованием русской графики. Он также стремился приспособить организационную структуру русских школ, формы и методы их учебной работы к национальным особенностям населения, для чего необходимо было создание передвижных школ для кочевых народов, интернатов при школах, образцовых специализированных учебных комнат. Для лучших священнослужителей-учителей, таких, например, как известные в свое время вятчане Н. Н. Блинов, И. А. Стефанов и др., работа в области образования всегда была исполнена высокого духовного значения. Н. И. Ильминский стремился направить священников, обладавших, по его мнению, склонностью к педагогической деятельности, на работу с инородцами.

Н. И. Ильминский отмечал, что среди них немало таких, кто отверг христианство и вернулся в язычество, но у большинства в душе «гаится драгоценное сокровище: искренняя вера в Бога, религиозный страх, неиспорченное сердце, смиренное сознание своей духовной нищеты. Инородческое население – это, можно сказать, залежь, добрая почва, над которой стоит потрудиться в верной надежде на обильный плод» [2, с. 14].

Н. И. Ильминский убеждал тех священников-учителей, которые предлагали начинать обучение инородцев непосредственно с русского языка. Такой точки зрения придерживался протоиерей села Бурундуки Буинского уезда Симбирской губернии Алексей Иванович Баратынский, который одновременно был председателем Буинского отделения училищного губернского совета и принимал деятельное участие в «литературной» (то есть научно-методической) разработке вопроса об образовании инородцев. Свои взгляды по данному вопросу он высказывал, в частности, в «Сборнике документов и статей по вопросу об образовании инородцев» (Казань, 1869).

Н. И. Ильминскому потребовалось немало усилий, чтобы переубедить А. И. Баратынского и других сторонников подобной точки зрения. Баратынский окончательно согласился с Ильминским, получив от него письмо от 19-22 октября 1870 г., опубликованное полностью в материале «Доклады на Казанском миссионерском съезде» [4, с. 562-565]. Преподавание Закона Божия и изучение основополагающих молитв в начальной школе

должно было вестись на родном языке инородцев. В связи с этим предполагалась переводческая и издательская деятельность на инородческих языках. Переводческая комиссия была создана в Казани. Здесь же сосредоточилась и издательская деятельность. Казань выступала в качестве своего рода форпоста инородческого образования по причине имевшихся здесь глубоких просвещенческих традиций, а также в силу того, что этот город был и остается по сей день центром самого крупного по численности этноса Поволжья – татарского этноса.

Основной принцип педагогического подхода Н. И. Ильминского состоял, как уже отмечалось, в обучении инородцев через понятный им родной язык. В то же время он справедливо указывал: «Единственным и верным проводником идей в самую глубину сознания, в особенности на первых порах, служит родной язык. Русский язык для инородцев, сколько вы его не учите и какие продолжительные курсы не назначайте для этого, всегда останется для него чем-то внешним» [9, с. 192]. Он предлагал конкретные меры для достижения лучших результатов в обучении. Так, для «большей живости» им предлагалось «не писать сначала по-русски, а потом переводить, а сразу писать на инородческом языке» [5, с. 332].

Н. И. Ильминский с горечью отмечал недостатки в деле религиозного и светского образования среди инородцев Поволжья и Прикамья, следствием которых является то, что в итоге «инородческое население, даже крещеное, не знает, не понимает христианской веры, представляя ее в виде своего рода шаманства, да и вообще его религиозные понятия крайне скудны, ограничиваясь кое-какими суеверными обрядами, наследованными от глубокой старины» [Там же, с. 334].

Переход на русский алфавит ускориł процесс вхождения этих народов в российскую культурно-образовательную среду. Применение в обучении разговорных татарского, башкирского, казахского и других национальных языков способствовало развитию национальных литературных языков и созданию учебной, детской и церковной литературы на этих языках.

Подход Н. И. Ильминского получил общероссийское утверждение 26 марта 1870 г., когда вышли так называемые «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев».

Важнейшим направлением в осуществлении государственной политики в области просвещения нерусских народов являлся дифференцированный подход правительства в вопросе о характере осуществления просвещения. В соответствии с указанными «Правилами...» все нерусские народы разделялись в своих образовательных правах на три группы. «Достаточно обруселые» народы (украинцы, белорусы) должны были обучаться только на русском языке. В школах, предназначенных для народов, проживающих в местностях, где много русских, предлагалось вести обучение на русском языке, но учителями, знающими родной язык учащихся. Для народов «весьма мало обруселых», к которым, в частности, были отнесены татары, удмурты и марийцы, предполагалось открытие школ на родном языке по учебникам, напечатанным русскими буквами. Родной язык служил основой в первые два года обучения, а в дальнейшем оно переводилось на русский язык [1, с. 128].

Эти правила, несмотря на их очевидно дискриминационный характер, знаменовали собой тем не менее значительный этап в развитии образования у народов Поволжья, поскольку их введением правительством указывалось на необходимость открытия инородческих школ в районах проживания «весьма мало обруселых» народов; эта задача ставилась в ранг государственной, а кроме того, устанавливалось некоторое подобие образовательных стандартов.

Организация просвещения коренных национальностей на их родных языках должна была особенно активно внедряться в тех регионах, где проживали народы, отнесенные к третьей группе, то есть в Вятской, Казанской, Нижегородской и других губерниях Среднего Поволжья. Это создавало предпосылки для развития просвещения удмуртов, марийцев и татар, открытия школ на языках этих народов, формирования национальной учительской интеллигенции, издания соответствующих учебников и открывало возможности для роста национального самосознания и развития культуры. Одновременно эта дифференциация выступала дополнительным препятствием для развития просвещения и национальной самобытности народов, отнесенных к первой и второй группам. Таким образом, подход Н. И. Ильминского оказался альтернативным в отношении так называемого «обрусительного» направления просвещения инородцев, сторонники которого предлагали использовать в обучении только русский язык. Н. И. Ильминский тоже говорил об «обрусении», но понимал его не только как «знание русского языка, а прежде всего как православие». Как отмечали его ученики, «ему нравилось хорошее русское слово, но без духа православия и без православной идеи оно ему не нравилось».

Н. И. Ильминский предполагал, что учителя и священники в инородческих селениях должны быть представителями соответствующих национальностей, получившими необходимое образование и являющимися приверженцами православной церкви. Следовательно, возникала проблема открытия специальных учебных заведений как общеобразовательного типа, так и профессиональной направленности. Однако на практике выходило так, что общеобразовательные школы, такие как центральное удмуртское училище в селе Старый Карлыган Уржумского уезда Вятской губернии, призванное готовить учителей и священников из удмуртского населения, было, прежде всего, общеобразовательным учреждением, поскольку других крупных удмуртских школ просто не было.

Первой школой, работавшей по системе Н. И. Ильминского, стала основанная им Казанская крещено-татарская школа. В 1863 г. на казанской квартире у Тимофеева жили три кряшенских мальчика из его родного села. Он обучал их молитвам на родном языке и читал с ними составленный Ильминским кряшенский букварь. В следующем году таких ребят набралось уже два десятка. Так было положено начало школе, которая его стараниями получила официальный статус. Школа стала образцом, по которому стали создаваться другие подобные учебные заведения.

Крещение хотя бы части татар, подготовка миссионеров-просветителей и их дальнейшая успешная работа должны были, по мысли правительства, дать сильный толчок к распространению христианства среди других, менее крупных по численности этносов Поволжья – марийцев, удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян, бесермян, тептярей, чувашей, мордвы.

Ободренный успехом работы своей крещено-татарской школы, учиться в которую приезжали представители нерусских народов со всей России, Н. И. Ильминский открыл в Казани инородческую учительскую семинарию и стал ее первым директором. Но среди ее выпускников с 1872 по 1904 гг. было всего 40 удмуртов. Поэтому Н. И. Ильминский стал добиваться открытия первой центральной удмуртской школы. Более всего удмуртов насчитывалось в Вятской губернии – 440 000 человек. Вятская губерния на протяжении всей своей истории была одним из самых полиэтнических регионов Российской империи. Здесь проживало до 85% всех удмуртов, 20% татар, 40% марийцев [8, с. 33]. Наиболее многочисленным этносом, проживавшим на ее территории, был удмуртский этнос, или вотяки, как их называли до 1932 г. Неудивительно, что миссионеры Русской православной церкви проявляли большой интерес к данному этносу.

Важной заслугой Н. И. Ильминского было открытие центральной удмуртской школы в селе Старый Карлыган Уржумского уезда Вятской губернии. «Центральной» ее именовали как образцовую в методическом отношении. И она действительно сыграла важную роль в прогрессе дальнейшего приобщения удмуртов к христианской цивилизации. Именно в этой школе учились удмурты, ставшие видными представителями поначалу еще немногочисленной национальной интеллигенции. Среди них, в частности, была первая удмуртская поэтесса Акилина Григорьевна Векшина (поэтический псевдоним Ашальчи Оки).

Место для школы, выбранное выдающимся просветителем, составляло как бы грань между сплошной «вотяцкой массой» и «опасными окраинами». Под «опасными окраинами» миссионеры имели в виду соседство с мусульманскими селениями. Однако Н. И. Ильминский прозорливо полагал, что самая лучшая, истинно благодатная почва для церковного и светского просвещения – именно захолустье, удаленное от промышленных центров. Поэтому он отверг предлагавшиеся для центральной удмуртской школы Сарапул, Елабугу и другие значительные города, славившиеся своими заводами и купеческой торговлей. Просветитель видел опасность для скромных и тихих удмуртов таких «бойких» центров и настоял на открытии школы в захолустном вятском селе Старый Карлыган. В письме от 2 октября 1888 г. к К. П. Победоносцеву он писал: «Само провидение подготовило данные к осуществлению этой школы. Поэтому я убедительнейше просил бы Вас оказать этому делу поддержку по духовному ведомству и в высших правительственных сферах». И обер-прокурор Святейшего Синода оказал поддержку этому начинанию. Поэтому трудно согласиться с оценкой современного венгерского историка Петера Домокоша, характеризовавшего Н. И. Ильминского как «друга и верного исполнителя планов известного черносотенца Победоносцева» [3, с. 127].

Благородные начинания просветителя, его учеников и последователей были нацелены не только на миссионерские, но и общечеловеческие, светские цели. Однако отечественные историки советского периода клеймили деяния Ильминского, характеризуя их как «политику национального угнетения и русификации». В «Очерках истории Удмуртской АССР» (Ижевск, 1958) даются такие оценки деятельности Ильминского: «В Удмуртии русификаторская политика царизма в пореформенное время особенно наглядно проявилась в т.н. “просветительной” системе Н. И. Ильминского и в “Мултанском деле”»; «...крайний монархист Ильминский разработал и начал практически внедрять новый метод обрусения нерусского населения»; «Русификаторскую систему “просвещения” Ильминского поддержала реакционная часть национальной интеллигенции». И лишь на излете советского строя в печати стали появляться осторожные положительные оценки деятельности выдающегося просветителя. Так, авторы «Истории удмуртской советской литературы» (Устинов, 1987, т. 1) отмечают, что «педагогическая система Ильминского принесла немало пользы в развитии культуры удмуртов», но тут же, на всякий случай, эта система клеймится за «реакционную устремленность». Некоторые историки педагогики советского периода прямо-таки соревновались в критике Н. И. Ильминского за то, что он якобы выражал в повседневной практике и в педагогических сочинениях верноподданнические взгляды и подчеркивал свою преданность правительственным установкам.

Так, неизменно подчеркивалось, что Н. И. Ильминский считал возможным уделять больше внимания не обучению, а воспитанию детей, причем воспитанию религиозному. Но он и не скрывал этого, а прямо указывал на то, что школа должна обратить внимание, прежде всего, на утверждение религиозных и нравственных понятий учащихся и затем, лишь по выполнении этой первой и важнейшей задачи, стремиться к сообщению полезных знаний. Мы убеждены в том, что Н. И. Ильминский был представителем *передовой* русской интеллигенции. Он любил своих инородцев.

Но в российском обществе постепенно уже вызревали черносотенные силы. С сентября 1903 г. новое руководство Казанского учебного округа стало вытеснять инородческие языки из употребления в подведомственных школах, а спустя два года кое-где уже висели объявления «Запрещено говорить по-вотски» [13, с. 211]. Новое обострение нападок на систему Н. И. Ильминского пришлось на 1914 г. Одна из черносотенных газет, «Казанский телеграф» (номер от 02.02.1914), писала: «Ильминский подменил русское православие инородческим... Православие вне русской культуры и цивилизации немыслимо... Употребление инородческих языков из средства сближения мелких тюркских и финских племен с русским народом превратилось в самоцель... Под видом применения системы Ильминского совершается открытое поощрение русофобских стремлений и инородческого сепаратизма».

Черносотенец К. П. Победоносцев оставил точную оценку деятельности Н. И. Ильминского: «Не без борьбы... достигал Ильминский осуществления своей мысли. Многие восставали против нее, возражая против школьного обучения и богослужения на инородческих языках. Но Ильминский упорно отстаивал свою мысль, ибо она согласовывалась вполне с апостольским заветом – учить вере каждое племя на языке его, и являлась единственно возможным средством для просвещения инородцев... К счастью, в этой мысли нашел он себе поддержку в министре народного просвещения... Не раз случалось мне говорить покойному гр. Толстому (Д. А. Толстой, министр народного просвещения в 1864-1880 гг. – В. П.), что самое плодотворное дело и самая важная его заслуга перед Россией состоит в том, что он уразумел и поддержал Н. И. Ильминского... Это был поистине учитель в высшем значении слова, светильник, от которого многие огни загорались ясным светом. Ученики его во множестве разошлись, им наученные и направленные, по Дальнему Востоку учителями, священниками, диаконами инородческих местностей; из глубины пустынь оренбургских, иркутских, алтайских, якутских отзывались сочувственно голоса на зов его, к нему обращались за советом и одушевлением – не имевшие, не знатные, не богатые, но те – “малые и простые”, кои работают по темным углам, проливая свет посреди мрака, холода и неведения... Сущие простецы инородцы несли к нему свои бытовые нужды – и не раз в простых нуждах, мимо коих другой прошел бы с пренебрежением, отстаивал он их и помогал им ходатайствами своими в губернии и столице. Другой такой ясной и чистой души не приходилось мне встречать в жизни: отраднo было смотреть в глубокие, добрые и умные глаза его, светившие в душу внутренним светом. Беседа его была ни с чем не сравненная, всегда с солью, всегда в простоте, чуждой всякой аффектации, но исполненной поэтических образов... Сколько было в его рассказах того тихого, доброго юмора, без которого редко обходится добрая русская душа. Несравненная простота души давала ему способность сближаться одинаково с людьми всякого общественного положения, и самым простым и бедным он был столь же легок и приятен, как начальственным и знатым. Притом никогда и ни в чем не слышалось в нем ничего похожего на какую-либо претензию: все достоинство простоты соединялось в нем со всею ее скромностью...» [11].

Многими инородцами он воспринимался как святой. Один из современников вспоминал об отношении воспитанников Ильминского к своему наставнику: «Найдите среди его учеников хоть одного, у которого при воспоминании о нем не блестели бы глаза, не навертывались бы радостные слезы. Что их так связывает? Его горячая, беззаветная любовь к ним, к их языку, к их младенческим верованиям. А сколько самоотверженных, энергичных работников на ниве Божией – священников, учителей вышло из школы Н. И. Ильминского!» [7, с. 221]. Не только питомцы школ, открытых Ильминским, но и их дети и внуки называли его *святым апостолом* и возносили ему свои инородческие православные молитвы. Об этом было торжественно заявлено в мае 1905 г. при открытии в г. Санкт-Петербурге «Особого Совещания по вопросам образования восточных народов». Председатель Совещания, член Совета министров А. С. Будилович отметил связь идей Н. И. Ильминского «с первоначальной славянской школой св. Кирилла – философа и ее позднейшими отражениями в деятельности св. Стефана Пермского, Гурия и Варсонофия Казанских, с одной стороны, и с началами “естественной педагогики” Яна Коменского – с другой» [12, с. 6].

Был в жизни выдающегося просветителя и такой эпизод. В 1887 г. по просьбе выдающегося просветителя Ивана Яковлевича Яковлева он пытался помочь находившемуся под следствием Александру Ульянову. Ильминский хорошо знал семью скончавшегося годом ранее Ильи Николаевича Ульянова. Письмо Яковлева Ильминскому в Казань отвез Володя Ульянов. Он был сочувственно встречен Николаем Ивановичем и даже некоторое время жил у него, пока в Казань не приехала его мать – Мария Александровна Ульянова вместе с младшими детьми. Н. И. Ильминский не только поддержал ходатайство об освобождении Александра Ульянова, – правда, оно оказалось безуспешным, – но и оказал помощь Владимиру Ульянову в поступлении в Казанский университет [10, с. 108-109].

Н. И. Ильминский умер (от рака желудка) 27 декабря 1891 г. (8 января 1892 г.) в г. Казани, где и похоронен на Арском кладбище возле кладбищенской церкви, рядом с могилой первого просветителя Казани святителя Гурия. Могила Ильминского сохранилась. Просветительские идеи Н. И. Ильминского в наше время получили новые стимулы к использованию в современном отечественном образовании; личность же самого Н. И. Ильминского служит примером преданной службы интересам общества.

Список источников

1. **Анастасиев А. И.** Народная школа: в 2-х т. СПб., 1915. Т. 1. 372 с.
2. **Воскресенский А. А.** Система Н. И. Ильминского в ряду других мероприятий к просвещению инородцев // О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе: к 50-летию системы и школы. Казань, 1913. С. 3-16.
3. **Домокош П.** Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993. 360 с.
4. **Ильминский Н. И.** Доклады на Казанском миссионерском съезде // Православный собеседник. 1911. № 4. С. 562-565.
5. **Ильминский Н. И.** Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 6. С. 332-336.
6. **Инородческие школы по системе Н. И. Ильминского:** доклады на Казанском миссионерском съезде // Православный собеседник. Казань, 1911. № 4. С. 560-572.
7. **Памяти Н. И. Ильминского** // Вятские епархиальные ведомости. 1909. № 9. С. 220-221.
8. **Помелов В. Б.** Просветитель удмуртского народа К. А. Андреев // Этнокультурное развитие народов Приволжья и исторические традиции межнационального согласия Волго-Вятского региона: мат-лы межрег. научно-практ. конф. / отв. ред. Л. Г. Сахарова. Киров, 2014. С. 30-38.

9. Помелов В. Б. Просветительство Русской православной церкви в российской провинции (на примере Вятской губернии): монография. Саарбрюккен, 2013. 360 с.
10. Семья Ульяновых / сост. Н. С. Гудкова. М., 1985. 366 с.
11. Толстихина А. С букварем и Евангелием // Первое сентября. 1996. 12 сентября.
12. Труды Особого Совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. 360 с.
13. Чичерина С. В. У приволжских инородцев. СПб., 1905. 240 с.

**“APOSTLE OF THE EDUCATION OF THE MIDDLE-VOLGA PEOPLES”
ON THE 195TH ANNIVERSARY OF N. I. ILMINSKY’S BIRTHDAY**

Pomelov Vladimir Borisovich, Doctor in Pedagogy, Professor
Vyatka State University, Kirov
vladimirpomelov@mail.ru

The article reveals the facts of the biography of the outstanding Russian teacher of the second half of the XIX century Nikolai Ivanovich Ilminsky, describes his educational activity. Special attention is paid to the determination of his contribution to the development of the education of the Middle-Volga peoples. The paper characterizes the attitude to the pedagogical heritage left by N. I. Ilminsky in different historical periods.

Key words and phrases: Emperor Alexander II; N. I. Ilminsky; K. D. Ushinsky; K. P. Pobedonostsev; Vasiliy Timofeev; S. S. Uvarov; A. V. Smirnov; A. I. Baratynsky; P. P. Glezdenyov; A. S. Budilovich; I. N. Ulyanov; Alexander and Vladimir Ulyanovs; I. Ya. Yakovlev; baptized Tatar school; central Udmurt school in the village of Old Karlygan.

УДК 378

Педагогические науки

В статье подробно раскрыты деловые связи видного отечественного педагога и общественного деятеля Н. К. Крупской с известными педагогами – уроженцами Вятского края С. А. Алыповым, Н. А. Дерновым, Б. П. Есиповым, И. Т. Огородниковым, Н. А. Заровнядным, Э. И. Моносзоном и др.

Ключевые слова и фразы: Н. К. Крупская; Вятская губерния; Народный комиссариат просвещения РСФСР; Академия педагогических наук РСФСР; Российская академия образования; А. С. Макаренко; С. А. Алыпов; Н. А. Дернов; Ю. Н. Дернов; Б. П. Есипов; И. Т. Огородников; Н. А. Заровнядный; Э. И. Моносзон.

Помелов Владимир Борисович, д. пед. н., профессор
Вятский государственный университет, г. Киров
vladimirpomelov@mail.ru

Н. К. КРУПСКАЯ И ПРОСВЕЩЕНИЕ ВЯТСКОГО КРАЯ

Выдающийся педагог, видный общественный деятель советской эпохи Надежда Константиновна Крупская (1869-1939) на протяжении более чем двух десятилетий была тесно связана с вятскими деятелями образования и прежде всего – с педагогами Вятского (Кировского) педагогического института имени В. И. Ленина. Основанием для тесной дружбы Н. К. Крупской и коллектива института послужила активная плодотворная деятельность вятских просвещенцев. Вятский институт был в первые годы советской власти, несмотря на свою молодость, одним из известных в стране вузов. Количество студентов достигало пятисот и более человек, что было немало по тем временам.

В 1920 г. журнал «Народное просвещение» поместил ряд статей, автором которых был заведующий Отделом подготовки учителей Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее – НКП) К. Н. Левин. В них давалась высокая оценка деятельности института. Одни названия статей говорят о многом: «Пионеры социалистической школы», «Берите пример с вятчей». В статьях давалась подробная характеристика деятельности вуза, отмечались хорошая постановка учебной работы, активная общественно-политическая деятельность коллектива среди трудящихся и красноармейцев, оказание большой помощи органам образования в строительстве социалистической школы. Институт не пользовался никакими привилегиями, получал средства из центра с большим опозданием и в недостаточном количестве, ютился в убогом помещении и, тем не менее, как отмечал К. Н. Левин, проводил творческую социалистическую работу. «Глядя на работу Вятского института, – делался вывод в статье, – мы можем сказать только одно, обращаясь ко всем педагогическим учебным заведениям РСФСР: “Берите пример с вятчей! Ибо они доказали, что при доброй воле и преданности революции и социализму можно творчески работать и при совершенной разрухе!”» [3, с. 7-8].

Энергичная работа института получила высокую оценку в Наркомпросе. 7 декабря 1920 г. Отдел подготовки учителей Наркомпроса известил Вятский институт, что в числе четырнадцати вузов из шестидесяти, существовавших тогда в РСФСР, он включен в группу «ударных» [4, с. 28]. Свой высокий уровень Вятский институт народного образования неоднократно подтверждал и в дальнейшем.

Примечателен и такой факт. В 1922 г. в связи с голодом и разрухой была прекращена деятельность почти всех высших учебных заведений страны. Причинами этого печального явления были невыдача жалованья